

ЮРИЙ АЛЕКСАНДРОВИЧ МОЛИН

доктор медицинских наук, профессор, профессор кафедры судебной медицины Северо-Западного государственного медицинского университета имени И.И. Мечникова

Великий князь Константин Константинович.

Медицинские аспекты биографии

Аннотация. В статье приводятся сведения о рождении и состоянии здоровья Великого Князя. Представлены и прокомментированы с позиций современной медицинской науки предсмертная болезнь и заключение о причине смерти.

Ключевые слова: Великий Князь Константин Константинович, состояние здоровья, причина смерти.

Будущий поэт К.Р. и государственный деятель Константин Константинович – гордость Романовых – родился в семье великого князя Константина Николаевича и Александры Иосифовны 10 августа 1858 года [1]. Он был в семье вторым сыном. Еще накануне полная, подвижная, энергичная, великая княгиня была допоздна на вечеру у императрицы-матери. Мальчик родился быстро и легко. Александра Иосифовна была дочерью герцога Саксен-Альтенбургского, современники писали о ней как о красивой, но недостаточно воспитанной и образованной девушке.

Дневники К.Р. рисуют образ уже иной женщины: сдержанной, глубоко чувствовавшей, умевшей противостоять обрушившимся на нее несчастьям, понимавшей долг перед Россией, но с собственными политическими симпатиями, которые она не склонна была скрывать перед не терпевшим возражений мужем. Отношения в семье, в силу характера мужа и особенностей его судьбы, были сложными. Детей лаской не баловали. Подрастая, они ощущали напряженную духовную и интеллектуальную ауру, создававшуюся крупной личностью отца, и охранительную силу, важную для уклада дома, исходившую от матери. Именно поэтому детей Константина Николаевича и Александры Иосифовны всегда объединяли родственная любовь, взаимоподдержка, дружба и духовные интересы.

Роды прошли в Стрельнинском дворце. Торжественные мероприятия при рождении великих князей и княжон были стандартными и строго регламентированными: Высочайший манифест монарха; Благодарственное молебствие во всех церквях Империи; «салютационная пальба» со стен Санкт-Петербургской крепости; поднесение сумм в дар новорожденному из Департамента Уделов; внесение духовником Императорского Дома новорожденного в метрическую книгу, а также в Родословную книгу Романовых; начало ежегодного отпуска на его содержание и воспитание определенных сумм; изготовление Образа в меру роста новорожденно-

го [2]. Восприемниками младенца стали император Александр II и его супруга Мария Александровна. В течение всей жизни Константин Константинович хранил в сердце теплые чувства к «родовому гнезду», возил с собой серебряную коробочку с землей Стрельны, на крышке которой были выгравированы лермонтовские строки: «О родине можно ль не помнить своей?...».

Мне захотелось узнать, кто из медиков способствовал появлению на свет великих князей, детей Константина Николаевича, родившихся в Стрельне. Соответствующее дело пылилось в архиве многие десятилетия. Никто до меня, согласно девственному чистому листу использования документов, не прикасался к этим бумагам... Приоткроем ветхую обложку архивного дела РГИА № 1648 (фонд 479, опись 1) за 1871 год «Об увольнении от службы повивальной бабки Стрелинского дворца Анны Викштрем и об определении на ее место повивальной бабки Колотовой». На листе 1 – письмо гофмейстера Ю.В. Тенгоборского, управляющего Двором его императорского высочества государя великого князя Константина Николаевича управляющему придворной медицинской частью Ф.С. Цыцурина: «...26 июня 1846 года определена была в ведомство Стрелинского дворца повивальной бабкою Анна Викштрем. Ныне она по совершенно расстроенному на службе здоровью не может продолжать службы, а потому и просит об увольнении от оной, и об исходатайствовании ей за долговременную службу пенсии; на место же ее желает поступить и просит об утверждении повивальной бабкой, с производством положенного содержания, исполняющая уже в настоящее время, с разрешения великого князя сию обязанность девица Надежда Колотова, диплом кой при сем прилагается...». На листе 2 дела – письмо управляющего придворной медицинской частью Ф.С. Цыцурина: «...1871 года февраля 20-го дня вследствие отношения господина управляющего двором великого князя Константина Николаевича, гофмейстера Тенгоборского, повивальная бабка ведомства Стрелинского дворца Анна Викштрем увольняется от

службы за болезнь, согласно ее прошению». Как следует из переписки (листы 4-5 дела), иных повивальных бабок в штате медицинских служащих при дворце не было. Жалование Викштрем на момент увольнения составляло 100 рублей в год «с предоставлением казенной квартиры с отоплением».

О строгости отбора и детальности проверки кандидатов на соответствующие медицинские должности свидетельствует тот факт, что дело о приеме в штат рассматривалось и визировалось лично управляющим министерством императорского Двора. Утверждение последовало лишь 10 июня 1871 года (№ 1903). Таким образом, мы имеем право утверждать, что именно Анне Викштрем обязан благополучному появлению на свет великий князь Константин Константинович, будущий поэт «К.Р.» [3].

Сведения о медицинском персонале, осуществлявшем уход за юным великим князем, содержатся в архивном деле РГИА «Об определении ординатора Санкт-Петербургской больницы чернорабочих коллежского асессора Биттига доктором августейших детей великого князя Константина Николаевича» [4].

Константин с детства не отличался крепким здоровьем. Первой болезнью Костюхи, как ласково называл его отец, стала ветряная оспа, совпавшая по времени с появлением первого зуба. В 1868 году Константин и его брат Дмитрий лечились минеральными водами на знаменитом уже тогда курорте в Старой Руссе. Как у всех высоких худощавых юношей, уязвимыми у Кости рано стали легкие. Рост Константина Константиновича, его сыновей, его брата Димитрия лежал в интервале 190-200 см. Все они были высокими астениками, с длинными шеями и достаточно плоской грудной клеткой. В его дневнике первое упоминание о болезни легких относится к 1876 году – именно тогда врачи впервые потребовали лечения Константина в южных странах. По рекомендации лейб-медика, великого С.П. Боткина, тщательно осмотревшего и выслушавшего юношу, весной 1876 года состоялось длительное путешествие в Европу с отдыхом в южной Италии.

Начались годы военной службы. В Египте, лежавшем по маршруту фрегата «Герцог Эдинбургский», Константин перенес двустороннее воспаление легких. В мае 1883 года после переохлаждения у него развился недуг, который мучил его много месяцев. У великого князя искривилась щека от «паралича нерва». Он с радостью оставил военную карьеру. На самом деле все было иначе. Развился не паралич, а неврит (воспаление) лицевого нерва, захвативший и глазное яблоко, что вынудило Константина Константиновича носить повязку на лице, обеспечивавшую покой больному глазу. Состояние здоровья нормализовалось не скоро. Русские врачи установили, что за границей лечение проводилось некачественно, «не применялось электричество» (видимо, речь шла о физиотерапии – Ю.М.). Естественно, службу на флоте из-за этого пришлось оставить. В декабре 1883 года он был переведен в армию, в Измайловский полк, с чином штабс-

капитана гвардии [5].

Пошли десятилетия на службе России. Великий князь не щадил себя. Ответственная и многосложная должность генерал-инспектора военно-учебных заведений России, президента Академии Наук требовали постоянных разъездов по стране. А ему нужны были строгая диета, постоянный врачебный контроль, прием лекарств по часам, щадящий режим. С конца 1911 года начало сдавать сердце – появились боли и одышка при нагрузке, о чем свидетельствуют единичные краткие записи в его дневнике. Что стоит за этими скупыми заметками?

Попробуем ретроспективно проанализировать происшедшее с Константином Константиновичем, тем более что об этом сохранились объективные медицинские данные. Архивное дело «Переписка по болезни великого князя Константина Константиновича» [6] открывается телеграммой № 522 из Павловска в Зимний дворец. Бланк Императорского телеграфа бесстрастно зафиксировал текст, поданный 24 января 1912 года в 8 часов 34 минуты по полудни: «Великому князю Дмитрию Константиновичу по приказанию ея высочества считаю долгом доложить вашему императорскому высочеству что обнаружившееся сегодня у августейшего больного повышение температуры тела и признаки начала бронхита дали основание консультации установить что припадок был вызван инфлюзитною инфекциею такая причина дает основание надеяться на благоприятный исход болезни его высочество испытывал большую общую слабость и раза два приступы острых коротких болей в груди но сердце работает с 12 часов вчерашнего дня вполне правильно температура днем 37,4 пульс 82 вследствие вопроса министра двора его высочество изъявил согласие печатать ежедневно бюллетени о ходе его болезни... Муринов».

На листе 5 – подлинник заключения консилиума от 27 января 1912 года: «В ноябре месяце минувшего года его императорское высочество великий князь Константин Константинович во время пребывания за границую в Альтенбурге заболел тяжелою формою инфлюенции, что вызвало обострение хронического процесса в почечных лоханках и острое заболевание мочевого пузыря. По возвращении в Россию болезнь протекала вполне благоприятно, и его высочество находился уже на пути к выздоровлению. Но вечером 22 января, под влиянием гриппозной инфекции, появились симптомы уремического характера, сопровождавшиеся упадком деятельности сердца, последовательно весьма резко выраженною общею слабостию, при повышенной температуре тела и явлениях бронхита. Сердце работает вполне правильно, процесс в почках принял благоприятное течение, а общая слабость меньше и бронхит пока не распространяется. Его высочество должен оставаться в постели при соблюдении полного покоя. Профессор В. Сиротинин, лейб-хирург Д. Муринов, почетный лейб-медик А. Двукраев».

На листе 14 дела один из бюллетеней о здоровье, от 28 января 1912 года: «Болезнь его императорско-

го высочества Константина Константиновича приняла благоприятное течение. Температура упала до нормы. Пульс 68, правильный. Бронхит разрешается. Состояние почек вполне удовлетворительное. Самочувствие значительно лучше. Тем не менее, его императорское высочество должен еще соблюдать полный покой, оставаясь в постели. Профессор В. Сиротинин, лейб-хирург Д. Муринов, почетный лейб-медик А. Двукраев». На листе 26 еще одна информация, свидетельствующая о положительной динамике в состоянии: «2 февраля 1912 г. Восстановление здоровья его императорского высочества великого князя Константина Константиновича идет правильным путем. Температура, пульс и деятельность почек колеблются в пределах нормы. Ввиду не вполне еще восстановившихся питания и сил августейшего больного, его императорского высочества, необходимо соблюдать полный покой. Бюллетени прекращаются. В. Сиротинин, Д. Муринов, А. Двукраев». К сожалению, ухудшения состояний, подобные вышеописанному, преследовали Константина Константиновича в последний период жизни 2-3 раза в год, постепенно утяжеляясь и удлиняясь по времени... А он не хотел мириться с болезнями, трудился, творил, намечал очередные планы.

С февраля 1915 года в его дневнике проявились записи о посещениях болевшего великого князя вдовствующей императрицей Марией Федоровной, а также императором Николаем II. Константин Константинович 6 марта записал в дневнике: «Поправка моего здоровья шла, казалось, на лад, но утром 6-го случилось что-то странное: встал я, как обыкновенно, около 8 и помню, что, выходя из спальни, увидел на термометре за окном столовой 13°. Затем помню только мелкие подробности». Случился обморок с потерей памяти, затем, 8 марта, обморочное состояние повторилось, сочетаясь с сильным сердцебиением. Однако эти явления, к счастью, оказались временными. Он снова жил, мучительно грустил об ушедшем навсегда Олеге, тревожился о других сыновьях, болел душой о проигрывавшей войну России. Константин Константинович понимал, что близится конец жизни. Запись в дневнике от 15 апреля 1915 года: «Решил более не хранить переписки с некоторыми лицами, которая, полагаю, особой ценности не имеет, и жгу эти письма». В последнем письме А.Ф.Кони от 25 апреля 1915 года Константин Константинович обращался к своему другу с такими проникновенными словами: «Вы писали о бывшем у вас сердечном припадке; одновременно (в ночь на 17-е) у меня был сильный приступ удушья, длившийся часа три-четыре. Как бы хотелось знать, что лучше и Вам. Да поможет Господь Вам успеть написать все то, что душа требует написать. Я глубоко верю, что и волос с головы нашей не спадает без Его воли, и, следовательно, верю, что Его благая воля вовремя отрывает нас от здешних дел. Поэтому ходячее выражение «безвременная кончина» – для меня звук пустой. Всеблагая воля лучше нас знает, когда должен последовать по-

следний призыв...» [7].

Предоставим слово свидетелю трагедии, сыну Гавриилу Константиновичу: «Когда я был у знакомых под Лугой, мне сообщили по телефону, что отцу нехорошо. Это было 2 июня. Я заказал экстренный поезд из Луги до Александровской. Поезд очень быстро, без остановок, примчал на станцию, где меня ждал большой автомобиль родителей. Увы, шофер Ланге мне сказал, что «нашего благодетеля не стало». Было очень тяжело, но в первые минуты как-то не осознаешь своего горя. Когда я вошел в переднюю Павловского дворца, дяденька и тетя Оля спускались по лестнице. Мы обнялись. Магушка сидела у себя в кабинете, рядом с кабинетом отца, и писала. Она была спокойна, но в тяжком горе. Отец лежал на постели в своем кабинете в стрелковой малиновой рубашке. Я, как полагается, и как учил меня сам отец, сделал два земных поклона перед его прахом, приложился к нему и снова сделал земной поклон. Я не могу описать свои чувства в это время, потому что они были очень сложны. Первая панихида состоялась до моего приезда, в присутствии государя и государыни.

Я просил мою сестру Веру описать, как произошла смерть отца, потому что в это время она была одна с отцом в его кабинете. Я привожу здесь выдержку из ее письма от 1941 года: «...Папа лежал в постели после последнего припадка грудной жабы. 15 июня мы ждали тетю Олю, которая задержалась в своем лазарете при операции раненого. Я сидела на диванчике, который стоял у рояля, в большом уютном кабинете Папа в Павловске. Как сейчас помню книжку «Хитролис», русский перевод Гете «Рейнеке Фукс». Вдруг я слышу, что Папа задыхается. Послушав три, четыре раза эти страшные звуки одышки, я стремглав бросилась к Мама в спальню, где она примеряла новое платье... В такие минуты страха человеку даются особые силы. Мама никогда не могла понять, каким образом я так быстро смогла открыть тяжелую дверь с зеркалом и зелеными растениями перед ней. Прибежав к мама, я, запыхавшись, закричала: «Папа не дышит!». Мама побежала за мной, но все уже было кончено...» [8].

Объективные медицинские свидетельства о предсмертной болезни сохраняются в деле «О кончине великого князя Константина Константиновича» [9]. Утром 2 июля 1915 года Константин Константинович был осмотрен лейб-медиком В. Сиротининым и лейб-хирургом Д. Муриновым. Ничего угрожающего врачи не заметили. Больной был приветлив, по обыкновению, пошутил с докторами. Уходя, они не предполагали, что трагический исход наступит через несколько часов. На листе 3 архивного дела – заключение, составленное сразу после констатации смерти больного: «Его императорское высочество великий князь Константин Константинович в продолжение долгого времени страдал хроническим процессом в почках и разлитым склерозом сосудов; на этой почве 1 января текущего года возник первый приступ сердечного заболевания, так называемой грудной жабы (angina pectoris), который,

не смотря на сопутствующее заболевание гриппозным воспалением нижней доли левого легкого, миновал благополучно. В течение января, февраля и марта месяцев у его императорского высочества наблюдалось несколько коротких, но характерных приступов грудной жабы, протекавших благополучно. В ночь с 17 на 18-е апреля снова был приступ грудной жабы, продолжавшийся около трех часов, и, хотя окончившийся благополучно, но значительно ослабивший деятельность сердца. 13 мая случился новый приступ, крайне тяжелый, длившийся, в общем, с небольшими послаблениями около 30 часов, повлекший за собою резкий упадок деятельности сердца. В последующие дни деятельность сердца у его императорского высочества постепенно восстанавливалась, общее состояние здоровья хотя медленно, но ясно улучшалось и великий князь начинал уже, хотя и на короткое время, сидеть в кресле. Несмотря на это видимое улучшение, 2-го сего июня в 6 ч. 35 м. вечера появился новый, очень короткий и весьма резкий приступ, во время которого его императорское высочество в бозе опочил при явлениях паралича сердца. Павловск. 2-го июня 1915г. Лейб-медик профессор В. Сиротинин, лейб-хирург Д. Муринов, доктор В. Пивоваров».

На листах 60-61 дела – подлинник «Протокола осмотра и бальзамирования тела в бозе почившего его императорского высочества великого князя Константина Константиновича, произведенного 3 июня 1915 г. в г. Павловске приват-доцентом Императорской военно-медицинской академии К.З. Яцутой в присутствии врачей лейб-хирурга Д.А. Муринова и В.П. Пивоварова, препараторов Академии А.М. Ендрихинского, В.А. Косякова и понятых фельдшера М.А. Казанцева и служителя И. Григорьева». Из обширного документа приведем лишь фрагмент, который дает ясную картину катастрофы: «...Внутренний листок перикардия почти на всем протяжении склеен с пристеночным, однако отделяется без особенного труда, поверхность листков гладкая и блестящая; верхушка сердца сращена с перикардием крепкими фиброзными связками на протяжении 5-6 см и не могла быть отделена без помощи ножа. Сердце значительно увеличено – размеры его следующие: длина 14 см, ширина 16 см. Венечные ар-

терии, отпрепарованные на стенках сердца, варикозно расширены и склерозированы. Во вскрытом левом желудочке сердца обнаружен язвенный фокус со значительным распадом ткани на перегородке желудочка; по краям двустворчатого и полулунных клапанов, а также в начале аорты и в области отверстий венечных артерий имеются различной величины склеротические бляшки; при вскрытии венечных артерий обнаружено утолщение склерозированных стенок, сильное сужение просвета и даже закупорка его. Вскрытие правого желудочка обнаружило такие же склеротические бляшки на трехстворчатом и полулунных клапанах, как и в левом желудочке. На разрезе мышца сердца обоих желудочков и перегородки бледна и проросла соединительной тканью...». Интересно, что протокол не содержит традиционного диагноза, возможно, ввиду ясности для врачей характера заболевания и его исхода.

В современной транскрипции суждение о кончине великого князя может быть сформировано следующим образом: Константин Константинович Романов страдал хронической ишемической болезнью сердца с выраженным стенозированием (сужением) венечных артерий атеросклеротическими бляшками (вплоть до полной «закупорки»). Указанное заболевание осложнилось острым крупноочаговым инфарктом (омертвением) сердечной мышцы в области межжелудочковой перегородки с возникновением «язвенного» распада ткани и острой сократительной недостаточностью миокарда. При такой тяжелой патологии сердца и сегодня не существует радикальных терапевтических методов лечения.

Судьба была милостива к Константину Константиновичу, избавив его от необходимости переживать душевные муки при виде Гражданской войны в любимом им Отечестве, убийство большевиками брата и сыновей при ужасных обстоятельствах и бедствиях, постигшие членов семьи. Можно смело сказать, что его императорское высочество великий князь Константин Константинович был одним из лучших представителей славного рода Романовых. Именно поэтому Всевышний призвал к себе этого замечательного человека... вовремя!

Molin Yu.A. — MD, PhD, Professor, Professor of forensic medicine at North-Western State Medical University named after I. I. Mechnikov, Saint-Petersburg.

GRAND DUKE KONSTANTIN KONSTANTINOVICH. MEDICAL ASPECTS OF THE BIOGRAPHY

Annotation. The article provides information about the birth and health status of the Grand Duke. Presented and commented on the position of modern medical science near-death illness and the conclusion of the cause of death.

Keywords: Grand Duke Konstantin Konstantinovich, state of health, cause of death.